

№ 9 АВГ 1964

г. Харьков

Газета № . . .

ПИСЬМО ИЗ МОСКВЫ

ВСТРЕЧА С ХОРОШИМ
ТЕАТРОМ

Для каждого театрального коллектива гастроли в Москве — событие. Это событие, большое и радостное, уже дважды пережил в своей жизни Харьковский русский драматический театр имени Пушкина.

Гастроли становятся событием и для зрителя, когда на столичной сцене появляется интересный театр со своей темой в искусстве, со своими художественными идеалами, которому есть что сказать зрителю и, самое главное, сказать своим голосом.

К таким истинно творческим коллективам по праву может быть отнесен театр харьковчан. Он убеждает в этом первым же спектаклем, открывшим гастроли на прославленной сцене Московского Художественного театра — погодинскими «Кремлевскими курантами».

Главное в этом спектакле — театру было кому доверить, именно доверить, а не поручить, — роль В. И. Ленина. А это уже много значит для успеха постановки. Артист Ю. Жбанов, двадцать с лишним лет назад, еще в самом начале своего театрального пути выходил на сцену в роли молодого Ульянова в пьесе И. Попова «Семья». За эти годы его искусство сроднилось с ленинской темой. Зрелость актерского мастерства ярко сказывается ныне в том, что делает артист в «Кремлевских курантах». Он правдив, прежде всего, талантливое его исполнение отмечает благородная и строгая простота, внутренняя собранность, стремление с наибольшей полнотой выразить живое движение мысли вождя, его страстную революционную целеустремленность. Обаяние и силу мастерству Ю. Жбанова придает и глубокая, убежденная творческая верность утвердившимся в нашем искусстве лучшим традициям сценического воплощения ленинского образа.

«Кремлевские куранты», показанные харьковским театром, достойны советской сцены — это по-настоящему хороший спектакль с интересными актерскими работами. Тут многое можно выделить. Инженер Забелин у И. Любича — крупный, сильный, самобытный характер талантливого русского человека. Казалось бы, давно уже все знакомо в сценическом портрете этого старого энергетика, ведь уже более тридцати лет он появляется на сцене и в его роли зрители видели многих замечательных артистов. Но И Любич не повторяет их, находит свое истолкование роли, в чем-то и неожиданное, и в то же время достаточно убедительное.

Однако не все можно поддержать в актерских работах. Не удалась хорошему артисту Е. Лысенко весьма важная в пьесе роль чудесного, романтически настроенного матроса Саши Рыбанова. Многие требовали в этой роли более тонкого выявления, артистом не угадано то, что заложено было драматургом в этот образ, то, что делает его близким и вождю революции, и старому инженеру-ученому.

«Кремлевские куранты», надо думать, будут показаны в дни празднования 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Не следует ли театру подумать о новом, более цельном по стилю, по манере художественном оформле-

Н. АБАЛКИН

ний спектакля к этим знаменательным дням?

Открывая гастроли пьесой Н. Погодина, театр как бы заявлял о героической направленности своего искусства. Подтверждение тому находишь и в «Девятой симфонии» Ю. Принцева, вдохновленной подвигом жизни славного бойца гражданской войны Николая Островского. В сценическом взволнованном рассказе о незабываемом времени передана чистая романтическая окрыленность тех, кто отдавал свою юность беззаветной борьбе за правое дело, в нем слышится созвучие жизнеутверждающему лейтмотиву знаменитой бетховенской симфонии. В рассказе этом есть большой эмоциональный накал, горячая и искренняя патетическая тональность.

В роли Островского на этот раз счастливо нашел себя артист Е. Лысенко. Он не добивался внешнего сходства, но душевные свойства непреклонной натуры своего героя выявлены им в полную силу, горячо и страстно. На сцену пришел молодой боец-коммунист, который мог повторить, прозвучавшие в спектакле слова поэта: «Нас водила молодость в сабельный поход, нас бросала молодость на кронштадтский лед».

Такие спектакли, как «Девятая симфония», заслуживают особого признания. Утверждая и прославляя героическое в жизни и человеке, они с большой силой отличают духовную нищету, ущербность мировосприятия тех, кто в суровое наше время занял проповедью «дегероизации» искусства.

Главная тема творчества, заявленная театром, получает свое продолжение и в «Горлице» А. Коломийца. В пьесе этой сливаются воедино воспоминания о прошлом и мечты о будущем, она рассказывает о том, как жило и боролось старшее поколение верных солдат революции, как живет и мечтает жить нынешнее молодое поколение их наследников. Все тут было бы хорошо, но в осуществлении авторского замысла проявилась некоторая мажорность, почувствовался привкус дурного, сентиментального мелодрамматизма.

Можно понять, что привлекло внимание театра к «Горлице» и поддержать его выбор. Только поддержка эта не исключает доброго совета режиссеру В. Добровольскому и драматургу совместно подумать о новой сценической редакции пьесы. Этого заслуживает ее замысел — очень важный для воспитания молодежи в духе преемственности революционных традиций нашего общества.

В гастрольном репертуаре харьковчан выделяются чеховские «Три сестры», очень характерные для творческого облика театра. В его спектаклях сказывается острое чувство современности, здоровый оптимизм мировосприятия, приверженность идеалам гуманизма. О благородной человечности его искусства свидетельствует и постановка пьесы Чехова. Театр говорит в ней о хороших людях, живущих неотвязной думой о той лучшей жизни, которая наступит после них.

Режиссура несколько не

была увлечена, как это бывало в некоторых театрах, псевдодоваторским истолкованием драматургии Чехова. Она не скрывает своего эстетического родства с мхатовскими «Тремя сестрами», не подражая, однако, им, не повторяя их. Театр творчески исходит из тех нестарейших традиций, которые были заложены Немировичем-Данченко в прекрасном чеховском спектакле Художественного театра.

В умной, человечной, бережливой постановке главного режиссера В. Ненашева найдена гармония традиционного и сегодняшнего воспитания художественного восприятия наследия. В ней есть живое чувство новизны, но в этой новизне нет и следа нарочитой претенциозности. Он, скажем, выносит действие из привычной обстановки дома Прозоровых, ближе к тем белым берегам, о которых с такой нежностью говорят персонажи пьесы. И это воспринимается настолько естественно, словно так и было задумано самим драматургом. Такое ощущение возникает потому, что главным для режиссера было воссоздание на сцене чеховской атмосферы. В этой прозрачной атмосфере спектакля тонко и чутко выявляется внутренний мир сценических образов, чистая и звонкая поэтика Чехова.

Режиссерское дарование В. Ненашева хорошо проявилось и в других постановках — «Кремлевские куранты», «Девятая симфония», «Уступи место завтрашнему дню». Но в «Трех сестрах», думается, оно заявляет о себе с наибольшей силой. Это спектакль глубокой режиссерской мысли, пылкого постижения «жизни человеческого духа». В постижении ее и видел Станиславский высшее призвание реалистического театра.

В. Ненашева менее всего волнует идея режиссерского «самовыражения», чуждая самой природе коллективизма театрального творчества. Все в его режиссуре сосредоточено на актере. Доверие актеру в осуществлении постановочного замысла и приносит успех режиссеру. Поэтому-то о «Трех сестрах» и можно говорить как об актерском спектакле. В нем интересно проявили себя многие актеры. В чеховском ключе раскрываются прежде всего характеры доброго, трогательного, истосковавшегося по человеческой нежности одинокого Чебутыкина (Ю. Жбанов); не нашедшего истинного своего призвания, растерявшего светлые свои мечты Андрея Прозорова (Н. Рачинский); неожиданного, необычного и в то же время очень жизненно Соленого (Е. Лысенко); философствующего мечтателя Вершинина (П. Антонов).

Из сестер Прозоровых справедливо будет выделить Машу. Обаятельный, глубоко чеховский образ ее создает артистка Н. Подвалова. С большой внутренней сосредоточенностью живет она на сцене беспокойным миром чувств и мыслей своей героини, проносит через весь спектакль горестную тему утраченных надежд, тоски по настоящей любви, по настоящей жизни. Слово гордая

стремительная птица, рванулась было она за Вершининым, но перебиты ее крылья, и ей уже не взлететь, не оторваться от бездушной прозы серой жизни.

В роли Ирины зритель знакомится с молодой артисткой С. Ковтун — она еще студентка института искусств. Участие в чеховском спектакле для нее — счастливое начало театральной судьбы. Пока еще преждевременно обнадеживать ее, что все в воле сделано ею одинаково успешно. Обаяние юности искупает сейчас заметное в некоторых сценах несовершенство исполнения. Оно сказывается там, где актриса сбивается на внешний рисунок роли, где искусство переживания заслоняет друг манерное, нарочитое, ложно красивое искусство представления.

В дни гастролей были показаны еще на московской сцене спектакли: «Шестое июля» М. Шатрова, «Варшавская мелодия» Л. Зорина, «Звонок в пустую квартиру» Д. Угрюмова, «Уступи место завтрашнему дню» В. Дельмар.

Интересно будет остановиться на последнем из этих спектаклей. И вот почему. Театр остается самим собой, сохраняет живую человеческую интонацию, гуманистическую направленность своего искусства и тогда, когда воспроизводит на сцене картины современной буржуазной жизни. Он очень точно и очень тонко выявляет свое отношение к событиям, происходившим в семье «средних американцев», в которой так драматически сталкиваются интересы «отцов и детей». В этом столкновении обнаруживается во всей своей неприглядности бессердечная, аморальная, торгашеская природа отношений, сложившихся в буржуазном обществе. Но и тут постановщик спектакля В. Ненашев находит возможность не только обличения безнравственных нравов «свободного мира», но и утверждения достоинства человеческой личности. Симпатии театра на стороне стариков Куперов, ставших жертвой жестокого бессердечия своих детей, исключающих на доллары обязанности перед родителями. Симпатии эти выражены режиссурой и актерами достойно, без дешевой сентиментальности, без мелодраматического надрыва.

Роли престарелых родителей Куперов прекрасно проводят артисты И. Любич и Н. Тамарова. Главное достоинство их исполнения — глубокая правда душевных чувств. Их герои уходят из спектакля несломленными людьми, сохранившими на всю жизнь чистую и верную любовь друг к другу. Они несут в своих сердцах ту человечность, которая нужна и завтрашнему дню.

В этом письме можно было бы сказать еще о многом — о других спектаклях и других актерах, о других достоинствах театра. Но главное уже сказано. Приезд на гастроли Харьковского русского драматического театра имени Пушкина явился для московских зрителей приятным событием. Это была встреча с талантливым творческим коллективом, который достоин представлять не только театральную Украину, но и наше советское театральное искусство.